

**Евгений Спасский. Портрет Велимира Хлебникова. 1922.
Бумага, карандаш. 25×20.
Государственный литературный музей, Москва**

Дружеские отношения между Е.Д. Спасским и В.В. Хлебниковым завязались в Москве зимой 1917 года. После перерыва, вызванного гражданской войной, они возобновляются в декабре 1921-го, когда Спасский пригласил бесприютного поэта пожить в своей комнате №39 в доме на Мясницкой 21, выделенной ему как помощнику коменданту общежития ВХУТЕМАСа. Поэт и художник делили кров вплоть до мая 1922 года. Этот период описан Евгением Дмитриевичем в отдельном мемуаре «Встречи с бюджетянами и жизнь с Велимиром Хлебниковым»:

«Каждое утро, напившись чаю, устраивались мы по своим углам, я пододвигал мольберт, а Велимир свой столик с бумагой и чернилами. Наступала тишина, та активная, наэлектризованная тишина — лучшая почва для творческой работы. <...> Бывало и так — в любой час, среди ночи он стремительно соскакивал [с кровати], словно боясь потерять пойманное слово. Хватался за ручку и замирал над столом с бумагой. Просиживал, погруженный в свои мысли 15-20 минут, вновь исчезал под пальто с головой

и затихал. В одну из таких ночей я успел сделать с него набросок, который и находится сейчас в Литературном музее в Москве».

Не остался в долгу и Хлебников, посвятив Спасскому стихи. Так состоялся обмен портретами, в который Евгений Дмитриевич любил вовлекать своих друзей (в будущем такой обмен произойдет, например, с А.Н. Душкиным).

В данном же случае ставилась задача запечатлеть творческий процесс, а не просто облик другого. Хлебников нарисован с пером, к которому прикован его взгляд. Волосы отчётливо делятся на три зоны: клочковатые сзади, волнистые посередине и завихряющиеся спереди. Так передана наэлектризованность вдохновенной личности.

При этом форма шевелюры Хлебникова явно отсылает к стихам родного брата художника С.Д. Спасского, также дружившего с поэтом:

И, как нахохленная птица,
Бывало, углублен и тих,
По-детски Хлебников глядится
В пространство замыслов своих...
(Сергей Спасский, «Неудачники», 1928)

Е.Д. Спасский, в свою очередь, вспоминает об особой любви Хлебникова к пернатым собратьям: «Часто к нам прилетали воробьи или синички и садились на оконную раму. Это всегда приводило Велимира в неопишуемый восторг. Большие голубые, ликующие от счастья глаза с детской восторженностью и любовью смотрели на птиц, и невольно вырывались у него какие-то неповторимые звуки радости и счастья. Он любил мир, мир растений, и мир животных, любил безгранично всем своим существом».

Вот только птица, явно просматриваемая в форме волос поэта, не производит впечатление здоровой... Это какая-то больная особь уныло свесившая клюв со лба и явно контрастирующая с оживлённым выражением лица Хлебникова. Не кроется ли разгадка в следующих строках из воспоминаний Е.Д. Спасского? «...нарушала иногда наш покой его лихорадка, страшная тропическая лихорадка, которую [Велимир] привез из Персии. Тогда он наваливал на себя все, что возможно, но его так трясло, что кровать под ним начинала двигаться. Приступы бывали редки, но сил у него это забирало много».

Итак, с одной стороны, лихорадка, снедающая поэта, с другой – вдохновение, лишившее её власти. Победа творчества, не только духовная, но и телесная!

Р.В. Багдасаров, историк